

УДК 141.7 : 303.1

К методологии построения инновационной праксиологии

В. С. НОВОЖИЛОВ

В статье рассматриваются методологические вопросы формирования инновационной праксиологии – зарождающейся в настоящее время на стыке философии, социологии, культурологии, эвристики, креативной психологии, структурно-функциональной системологии междисциплинарной области исследований, призванной теоретически объяснить принципы и понятия инновационного развития деятельности, стать основанием организации новейшего типа деловой активности.

Ключевые слова: динамическое равновесие общества, жизнедеятельность, инновационная технология, прагматический инструментализм, самодвижение материи.

The article deals with methodological aspects of innovational praxiology formation, that originates now at the joint of philosophy, sociology, cultural studies, heuristics, creative psychology, structural-functional systemology, inter-discipline area of research, meant to unite principles and concepts of activity innovational development, to become the basis for the newest type of business activity organization.

Keywords: society dynamic balance, vital activity, innovational technology, pragmatic instrumentalism, matter self development.

Последовательный материалистический монизм под праксиологическим углом зрения требует находить объективные предпосылки человеческой деятельности в спонтанной активности бытия, философски определяя деятельность как всеобщую имманентную характеристику порождающей Природы.

Самодвижение материи на социальном уровне ее существования представляется, таким образом, процессом отыскания разумом новых организационных форм жизни, реализации многих, в том числе и неиспользованных самой природой направлений развития, всевозможных, в рамках объективных законов, сочетаний стихийных сил и процессов [1, с. 28].

Человеческая деятельность – событие в мировой линии жизни, призванное дополнить и умножить творческую силу природы. Эта установка новейшего гуманизма и социального оптимизма легла в основу коэволюционной и ноосферной парадигмы современного научного и философского мышления.

Представляет интерес рассмотрение всего комплекса деятельностной проблематики под углом зрения весьма актуальной в наше время инновационной праксиологии. В выше означенном смысле большая часть человеческой деятельности по отношению к собственно природной – инновационна.

Проблемное поле инновационной праксиологии складывается в настоящее время в ходе осознания противоречивости современной ситуации, связанной с деятельностью – дисгармонией между познавательно-креативными силами прогресса, необходимыми для освоения (присвоения) природных и социальных сил, и недостаточными смысло-ценностными ориентирами человеческой активности.

В современном, специфическом смысле слова, инновационная – это такая социальная деятельность, которая сознательно направлена на создание и эффективную реализацию изобретений (изделий, технологий, управленческих решений и т.д.), способных обогатить социальную жизнь, дать ей оригинальное, иногда совершенно новое направление. Эта деятельность рождает вещи материального и духовного свойства с необычными потребительскими качествами, обеспечивающими высокую и надежную конкурентноспособность.

Решение инновационных задач предполагает такую деятельность, которая ориентирована не просто на развитие какой-либо области или сферы жизни, а на совершенствование характеристик этого развития. Конечно, всякое обновление содержит качественные изменения, но чаще всего эти изменения не выходят за рамки потенциальных возможностей и допустимых состояний процесса. Инновационное совершенствование предполагает, кроме того, принципиально иной ориентир изменений, а именно – выход субъекта деятельности за пре-

дела рутинного, репродуктивного по своей сути воспроизведения прежних образцов опыта. Инновационная продуктивность означает креативность в ее максимально творческом варианте и всегда противостоит часто встречающемуся в настоящее время «деятельностному невежеству», даже если она рядится в тогу подлинной креативности.

Инновационным поведенческим установкам соответствуют особые мировоззренческие идеалы и убеждения, на основе которых выстраиваются новые формы коммуникаций и сферы профессиональной активности. Критериями подлинной инновационной деятельности являются высокие социальные ценности в форме смысложизненных позиций, передовых демократических убеждений, осознанного понимания социальной ответственности вместе с наличием профессиональных, научно оснащенных компетенций.

Пропаганда и реальное распространение в последнее время такого вида установок свидетельствует о реальном наступлении давно прогнозируемого периода подлинно интенсивного роста производительных факторов прогресса.

С общей, культурологической точки зрения, интенсивные факторы развития характерны преимущественно для западного типа цивилизации на современном постиндустриальном этапе ее существования. Сегодня эту цивилизацию часто называют техногенной, но еще точнее и правильнее ее было бы называть научно-техногенной.

Структурная перестройка экономики в настоящее время выдвинула на передовые позиции новые наукоемкие отрасли производства. «Онаучивание» всех сфер социальной практики становится девизом времени и условием расширенного воспроизводства жизни. Меняются не только подходы в деятельности, но и теоретические представления о соотношении теории и практики. Теоретическая компонента практической деятельности обеспечивает качественное обновление образцов социальной организации для поддержания состояний динамического равновесия в обществе.

Объективно говоря, не бывает сугубо количественных, экстенсивных способов развития в их обособленности и отрыве от качественных. Качество и количество слиты в диалектическом единстве и характеризуют закономерный механизм любых изменений.

Однако, обращаясь к реалиям современного социального развития, можно заметить ускорение темпов качественных переходов, их преобладание над количественными, и, как следствие, – усиление социальных ожиданий все новых и необычных решений практических проблем. Расширенное воспроизводство самых разных сторон жизни сегодня понимается как инновационное только тогда, когда оно строится на основе так называемых «прорывных» технологий.

Методология построения инновационной праксиологии должна исходить из принципов комплексности и междисциплинарности. Характер этой области исследований обязывает соединять в общей теоретической модели философско-психологические, культурологические и теоретико-системные представления, базирующиеся на отчетливом и всесторонне обоснованном мировоззренческом фундаменте.

Философская концепция деятельности имеет давние исторические корни. В том или ином виде она объединяет все остальные области философского знания независимо от сложившихся мировоззренческих направлений и ориентаций.

Можно даже утверждать, что вся история формирования философской рефлексии над предпосылками и условиями человеческого существования пронизана праксиологическими, деятельностными ассоциациями.

Философские системы в своем стремлении к рациональному обоснованию человеческой активности неизменно превращались в поиски субстанциального источника этой активности.

Сначала, в глубокой древности, эти поиски приводили к построению умозрительных антропосоциоморфных мифологических картин мира, в которых человеку отводилась роль объекта и одновременно участника игры сверхъестественных тотальных космических сил; затем, в эпоху монотеизма, – к определению установленных Богом границ человеческой свободной воли. В более поздние натурфилософские эпохи жизнедеятельность человека упрощенно понималась как прямое проявление единых природных сил.

До середины 19 века деятельностная сторона человеческой сущности в гораздо большей степени разрабатывалась идеализмом, который мистифицировал человеческую жизнь,

искажая действительную связь материальной и духовной практики.

Диалектический материализм, подкрепленный в своей доказательной базе новейшими достижениями конкретной науки, особенно результатами системологии, представленной в 20 веке общей теорией систем, теоретической кибернетикой, синергетикой и их специальными приложениями (системным анализом, системотехникой, исследованием операций, теорией принятия решений и т. п.), оказался способным прояснить принципиальные материальные основания праксиологии в целом и может стать поэтому основой разработки современной инновационной праксиологии.

Онтологические основы общей праксиологии с диалектико-материалистических и системологических позиций самым прямым образом предполагают также понимание гносеологических и психологических аспектов человеческой деятельности.

В задачи настоящей статьи не входит последовательное и обстоятельное осуществление анализа этих аспектов. Попробуем лишь обратиться к некоторым общим и, на наш взгляд, узловым гносеологическим вопросам проблематики деятельности.

Материальная деятельность в своей самой продуктивной, креативной части представляет собой результат предварительной и сопровождающей ее духовной практики.

Будем исходить из того, что познавательная активность должна быть включена в общий объем практической активности. Познание, разумеется, относится к духовной деятельности и направлено не на изменение предметной среды, а на развитие духовной сферы путем создания идеального продукта в виде идей, законов, теорий и т.п.

Вместе с тем, жизнедеятельность человека – единый процесс, в котором материально-практические и духовно-познавательные элементы не рядоположены и не субординированы жестким образом, а слиты и взаимопроникают друг в друга. Разорвать их можно только в абстракции, делая, например, акцент на специфике разделения физического и умственного труда.

Для инновационной праксиологии важным является положение, согласно которому человеческая деятельность направляется в основном не стихийными силами, а является результатом сознательного подбора вариантов в процессе принятия целесообразных решений.

Такого рода решения в снятом виде содержат физиологические механизмы, характерные для всего живого, и называются доминантным поиском. Роль объективных факторов в этом поиске выполняют преобладающие потребности, детерминирующие безусловные рефлексy, составляющие общий механизм реагирования живого в соответствии с генетической программой вида. Условно-рефлекторные реакции накладываются на безусловные, дополняют их и обеспечивают единство поведенческой активности индивида.

В целом, направленность и ограничения поисковой деятельности любого живого существа описываются в терминах прямой и обратной связи организма со средой, побуждающих, подкрепляющих и тормозящих стимулов действия с участием памяти, эмоционального фона и некоторых других психофизиологических состояний и процессов.

У человека эти факторы преломляются через призму сознания и мышления. «Пульсация» жизненной позиции человека в процессе выбора линии поведения состоит в постоянном разрешении задач иерархизации смыслообразующих ценностных реакций и побуждений. Ответ на поставленную человеком практическую задачу подвижен, подлежит постоянной корректировке, уточнению и изменению.

Целерациональность человеческой поисковой деятельности не означает, что этот процесс полностью логичен, то есть алгоритмизирован в рамках известных формальных схем. В инновационном аспекте весьма серьезное значение для детерминации креативного поведения имеют иррациональные моменты: творческая интуиция, ассоциативные бессознательные и подсознательные ментальные связи, множество стохастических отклонений и т. п. Они обуславливают, например, неконформное поведение, импульсивное решение, неожиданные отклонения от принятой парадигмальной линии, все то, что Я. Котарбинский, один из создателей современной праксиологии, называет инициативной препаративной [2]. Дело в том, что в человеческой деятельности массив культурного наследия одновременно определяет и затрудняет процесс овладения целью. Здесь налицо противоречивое единство и столкновение задач, характерных для инновационной деятельности: с одной стороны – поддержание

устойчивых образцов организации, а с другой – их обновление или кардинальная ломка.

Диалектико-материалистический подход к анализу человеческой жизнедеятельности требует сравнения этого подхода с позитивистским пониманием опыта, особенно в его прагматическом варианте. Речь идет о прагматизме как философском учении, которое получило свою разработку и обоснование в трудах Пирса, Джемса, Дьюи и других западных философов. Наибольшее распространение прагматизм получил в США в начале 20 столетия, где его идеи наиболее полно соответствовали духу американского капитализма и всего уклада жизни американского общества, ориентированного на достижение максимальной выгоды и коммерческой прибыли. В отечественной философской литературе философия прагматизма была подвержена жесточайшей критике за очевидную склонность его к субъективному идеализму, мировоззренческому релятивизму и утилитаризму.

По происшествии времени, однако, становится очевидным, что некоторые принципы и идеи прагматизма, особенно в его инструменталистской трактовке, вполне вписываются в общую праксиологическую парадигму новейшего научно-технического мышления, пытающегося подобрать теоретические ключи для понимания организованной сложности мира и работы с ней.

Условием включения прагматической интерпретации человеческой жизнедеятельности в состав современной праксиологии может стать полный отказ ортодоксального прагматизма от своей исходной установки, согласно которой сознание человека полностью сводится к тому, «чтобы быть инструментом его нужд, что он не может ни в малейшей степени иметь в виду что-либо выходящее за пределы этих нужд» [3, с. 337].

Материалистически переосмысленный прагматистский инструментализм, на наш взгляд, может обогатить новейшую праксиологию рядом идей, позволяющих ей перейти с мировоззренческо-декларативного уровня на востребованный ныне операциональный уровень.

Этот последний сводится к построению в рамках праксиологии теоретических моделей с позиций современного структурно-функционального подхода.

Здесь следует заметить, что в современной методологической литературе часто объединяют структурный и функциональный подходы. Утверждается, что структурные исследования направлены только на выявление способа или закона связей между элементами системы, а функциональные интересуются не внутренними, а только внешними, «результатными» аспектами жизнедеятельности системы.

Иногда, когда процессорные механизмы деятельности принципиально недоступны для прямого изучения, как, например, в случае с бессознательными факторами познания, такое разграничение приходится принимать. Специфический функциональный метод «черного ящика» как раз и предназначен для косвенного воспроизведения структурной морфологии по наглядным результатам функциональной активности.

В большинстве же случаев, в том числе и тогда, когда требуется объяснение преобладающей дискурсивной активности человека как целерациональной по своему существу, необходимо ориентироваться на комплексный, то есть структурно-функциональный подход, требующий сначала раскрытия реальной структуры системы деятельности, а затем – выявления ее закономерных результатов.

Дескриптивная познавательная система в упрощенном информационно-кибернетическом смысле может быть эксплицирована в рамках известной модели управления: входная информация (для науки – эмпирические данные), вслед за этим – процессорная переработка ее благодаря прежнему научному опыту как своеобразной внутренней информационной памяти, а также логико-методологическая трансформация эмпирических данных под влиянием нормативных предписаний (философских идеалов, теоретических картин мира, инструментальных норм и операций), которые превращают входную информацию в выходные данные (теоретические результаты, прикладные решения).

Эта модель, как и многие предшествующие ей, например, программа универсального преобразователя информации Тьюринга еще задолго до Виннера и Шеннона, была построена в соответствии с аналогическим стилем мышления, требующим отыскания тождественного сходства в многообразных явлениях действительности. Указанный стиль мышления обеспечивает общую для всякого рационального понимания задачу сведения сложного к просто-

му через формулирование законов, имеющих междисциплинарное значение.

В кибернетике, на основе ассоциаций, навеянных новейшими открытиями в физике, математике, логике, биологии, теории связи и некоторых других наук, появляется структурно-функциональная модель, объясняющая с единых формальных позиций всякий процесс самоорганизации и управления.

Познавательный процесс – один из многих ему подобных процессов такого рода. Данное обстоятельство и позволяет, в дополнение к содержательному, философскому и психологическому объяснению характеристик познавательной деятельности применять также и формальное, теоретико-кибернетическое.

Однако, кибернетический подход в гносеологии таит в себе опасность такого абстрактного теоретизирования, которое может снизить уровень теоретического анализа соответствующей проблематики, как это произошло в свое время при построении неопозитивистской модели познания, элиминирующей действительного субъекта познавательной деятельности из рамок рассмотрения. К. Ясперс названную модель характеризовал как замену «высокой надпредметности» классической философии «пустой беспредметностью» формальных построений.

Если акцентировать внимание только на абстрактно-формальной стороне механизма формирования познавательного образа, то может сложиться впечатление, что предложенная неопозитивистами, узкая, по сути физикалистская, схема этого механизма адекватна реальной логике познания. Нормативные предписания, вытекающие из этой схемы, в содержательном виде можно выразить следующим образом: фиксируй предложения наблюдения, затем обобщай по известным индуктивным схемам для выведения закона, из закона дедуктивно выводи следствия в форме, позволяющей осуществлять проверку этого закона.

Однако, если помнить, что субъект познания, кому адресован данный алгоритм, является не механическим устройством с жесткой однолинейной детерминацией познавательного поведения, а реальный человек, включенный в реальную социальную практику, тогда становится ясным, что и сугубо кибернетический, структурно-функциональный и неопозитивистский подходы явно недостаточны для экспликации процесса познания.

Сложный процесс интериоризации внешнего мира во внутренний опыт познающего и практически действующего субъекта, то, что Маркс когда-то назвал процессом «пересаживания материального в человеческую голову и преобразования в ней», диалектико-материалистическая философия и современная праксиология объясняют с применением известных всеобщих диалектических законов и категорий и выделяют в этом процессе три основных этапа:

1. Внешняя практическая деятельность, при которой предмет практики диктует способ познавательной деятельности, в основном методом проб и ошибок.

2. Начало перехода внешне-предметных действий во внутренние перцептивные действия, то есть формирование образа восприятия на основе рассудочной генерализации опытных данных.

3. Продолжение процесса в виде идеализации образов путем конструирования теоретических моделей, логических манипуляций с ними, и, как результат, – создание фундаментальных законов и теорий, прогнозирование, принятие решений для реализации практических целей.

Таким образом, целерациональное движение человеческой жизнедеятельности можно изобразить в виде праксиологического круга: в практике начинается и практикой завершается эта жизнедеятельность.

Всего очевиднее становится ограниченность формального структурно-функционального понимания всей сложности человеческой познавательной и материально-практической активности, когда речь заходит о целерациональности, имеющей место в области гуманитарного познания и социальной практики.

В познавательных ситуациях такого рода представленная выше кибернетическая модель хотя и применима, однако в гораздо более сложном варианте, который представлен в рамках таких уже ранее названных прикладных методологических дисциплин, как теория исследования операций и теория принятия решений, которые часто объединяются в литературе общим названием системного анализа.

Принимая такую предметную трактовку системного анализа, следует подчеркнуть, что он занимается проблемами рационализации процесса принятия самых сложных решений

по поводу совершенствования организационных форм, то есть тех, которые имеют место при наличии большого количества разнородной и даже противоречивой информации и, следовательно, типичных для практики социальных преобразований.

Здесь вполне уместно напоминание, что структурно-функциональный подход в исследовании организационной деятельности одним из первых начал разрабатывать отечественный философ и ученый А.А. Богданов, создатель несправедливо забытой тектологии – всеобщей организационной науки, призванной перебросить методологический мостик между философским и теоретическим уровнями праксиологии.

Междисциплинарный характер тектологии отразил отчетливо зарождающиеся уже в начале 20 века и характерные для нашего времени идеалы и нормы мышления, который Л. Берталанфи назовет методологическим перспективизмом, призванным заменить прежний редукционизм мышлением, основанным на структурных аналогиях.

«Мой исходный пункт, – пишет А. Богданов, – заключается в том, что структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношение величин, и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим» [4, с. 205].

С инновационно-праксиологической точки зрения интересно то, что в тектологии Богданова мы находим, правда, без употребления современных специальных терминов, основные методологические процедуры системного синтеза и анализа. Читаем: «...всякое изменение комплексов и их форм возможно представить как цепь актов соединения того, что было разделено, и разделения того, что было связано» [4, с. 206].

По А. Богданову, прогрессивные изменения – это закономерное сохранение позитивных или уничтожение негативных организационных форм, по сути являющееся тем же принципом эволюционного естественного отбора, а также многих других похожих на этот принцип фундаментальных идей, витавших в духовной атмосфере новейшей науки: принципа дифференциации и интеграции систем Г. Спенсера, принципа наименьшего действия Ле Шателье в физической химии, объединенных привычной для современного системного подхода установкой, утверждающей, что всякая система стремится к изменению таким образом, чтобы свести к минимуму внешние нарушения.

А. Богданов отвечает на кардинальный вопрос о том, в каком направлении должна изменяться система, если она сохраняется. Как следует из его теории – ко все возрастающим различиям внутреннего содержания, или, выражаясь современным кибернетическим языком, в сторону увеличения структурного многообразия. Типичным примером такого разнообразия является, например, разделение трудовых операций, функциональное разнообразие в живом организме и т.п.

Таким образом, автор тектологии сумел на теоретически строгом уровне эксплицировать сложную диалектику изменчивости и устойчивости в развитии, показать механизм прогрессивных инноваций, что делает его исследование методологически весьма ценным для современной праксиологии.

В заключение подчеркнем, что задача комплексного построения инновационной праксиологии имеет не только мировоззренческое и теоретическое значение. Ее решение призвано способствовать повышению методологической культуры будущего специалиста любого профиля, активизации его деловой активности.

Литература

- 1 Новожилов, В.С. Онтологические основы праксиологии с позиций информационно-кибернетического подхода / В.С. Новожилов // Известия Гомельского государственного университета. – Гомель, 2010. – № 6.
- 2 Котарбинский, Я. Принципы рациональной организации деятельности / Я. Котарбинский. – М., 1946; Котарбинский, Я. Трактат о хорошей работе / Я. Котарбинский. – М., 1958.
- 3 Цит. по: Философская энциклопедия: в 5 т. – М., 1962–1970. – Т. 4.
- 4 Цит. по: Тахтаджан, А.Л. Тектология: история и проблемы / А.Л. Тахтаджан // Системные исследования. – М., 1972.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ